

Отзыв

Официального оппонента, д.и.н. А.А. Сириной на диссертационное исследование Е.А. Давыдовой «Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX–первой половины XX в.), представленное к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология.

Диссертация Елены Андреевны Давыдовой посвящена анализу властных отношений в семейно-родственных коллективах оленных чукчей в XIX – первой половине XX в. Властные отношения в контексте чукотской этнографии до сих пор не находили подробного анализа и интерпретации, что делает исследование своевременным и **актуальным**.

В диссертации четко обозначена цель исследования: определение возможных способов приобретения/удержания власти человеком в чукотском обществе. Этот замысел реализуется в значительной степени на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов – полевых дневников сотрудницы ЛО ИЭ АН СССР в 1950-е годы В.Г. Кузнецовой¹, хотя круг источников и литературы, использованных автором, гораздо более широк и насчитывает 413 наименований на русском, английском, немецком и французском языках.

В мире возрастает внимание к культурному, включая архивное и музейное, наследие. Е.А. Михайлова отметила, что полевые дневники и фотографии этой забытой ученой «продолжают ждать заинтересованных исследователей»². Автор диссертации впервые проанализировала хранящиеся в архиве Кунсткамеры-МАЭ РАН 74 дневниковых тетради В.Г. Кузнецовой за период 1948-1951 годов, время ее стационарной работы в глубинных районах Чукотского полуострова. Сама тема диссертационного исследования была сформулирована на основе анализа содержания этих дневниковых записей.

В 1990-е годы от старших коллег мне приходилось слышать о В.Г. Кузнецовой как о человеке с непростой, даже трагической судьбой, не

¹ Ранее Е.А. Михайлова (2004) опубликовала фрагменты дневниковых записей В.Г. Кузнецовой.

² Михайлова Е.А. Фотографии из экспедиции Варвары Григорьевны Кузнецовой на Чукотку (1948-1951 гг.) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры / отв.ред. Е.А. Прищепова. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

реализовавшейся в науке: при жизни ей удалось опубликовать лишь одну, хотя и великолепную статью, о праздниках у амгуэмских чукчей. Подробности жизни В.Г. Кузнецовой узнаются из контекста диссертации. Хочется пожелать автору уделить еще больше внимания этой забытой и до последнего времени недооцененной исследовательнице при подготовке монографии на основе этой диссертационной работы. Возможно, стоило бы поразмышлять об энергетике написанного через проживание, – это больше, чем включенное наблюдение, о власти времени, и об отношениях власти в науке.

В начале 2000-х годов в международном научном сообществе сибиреведов проходили неформальные дискуссии о том, могут ли материалы, собранные советскими, или, по другому определению, «государственными», этнографами, считаться достоверными и использоваться для построения различных обобщений и кросс-культурных сопоставлений. Оппонент данной диссертации высказала мнение, что собранные советскими этнографами материалы, представляя собой сверхнасыщенное описание, и часто без какого бы то ни было идеологического влияния, должны быть как можно скорее включены в контекст ведущихся в мировой антропологической науке дискуссий об охотничье-собирательских и скотоводческих обществах³.

Диссертация Елены Андреевны Давыдовой как раз и представляет собой пример такого **новаторского исследования**. **Научная новизна диссертации** заключается, прежде всего, в том, что она вводит уникальные, неизвестные ранее мировому научному сообществу, полевые материалы советского этнографа в общемировой научный контекст, анализируя их с точки зрения актуальных в культурной антропологии и недостаточно разработанных на сибирских материалах тем, таких, как «антропологии власти» и «политическая антропология». Автор диссертации свободно ориентируется в теоретико-методологическом инструментарии этих субдисциплин и применяет его к анализу властных отношений у чукчей. В этом состоит несомненная **методологическая ценность** данной диссертационной работы. Такой симбиоз – использование дневников советского этнографа и новейших подходов в этнологии/антропологии по теме антропология власти, а также обширной этнографической/антропологической литературы по

³ Sirina A. Soviet Traditions in the Study of Hunter-Gatherers Societies // Hunter-Gatherers in History, Ethnology and Anthropology/ ed/ by A.Barnard. Oxford-New-York, 2004.

региону Северо-Востока России, позволили Е.А. Давыдовой впервые и на высоком уровне проанализировать антропологию властных отношений в повседневной жизни оленных чукчей, в родстве, в ритуальных знаниях и во взаимоотношениях с государством.

Стремясь избежать субъективности при анализе чужого полевого материала, Е.А. Давыдова критически анализирует его с помощью других источников и литературы. В связи со спецификой источников для их анализа диссертантом избраны микроисторический и биографический методы, что позволило с максимальным приближением рассмотреть семейно-родственные коллективы оленных чукчей с точки зрения отношений доминирования и подчинения.

Исследование написано на солидной теоретической базе. Автор использует системный подход и структурно-функциональный анализ, не отказываясь при этом от принципов историзма, изначально свойственных российской этнографической школе. **Теоретико-методологическими основами** исследования автор избрала микрофизику власти М. Фуко, теорию действия, или «акторную теорию» П. Бурдьё, агентивность Э. Гидденса, концепцию мимезиса, или творческого подражания К.Вульфа и др. Автор разъясняет и обосновывает употребление аналитических категорий «габитус», «капитал», «мимезис», «агентивность» и ряда других (с.7-10). Власть вслед за М. Фуко понимается ею как «способность одного действия структурировать другое» (с.6 и др.). В меньшей степени она сосредотачивается на регулирующей функции власти.

Диссертационная работа **оформлена в соответствии с требованиями**, устанавливаемыми Министерством образования и науки Российской Федерации. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, а также приложения. Диссертация оформлена в один том со сплошной нумерацией страниц объемом 365 страниц. Список источников и литературы на русском, английском, французском и немецком языках представлен в количестве 413 наименований (С.287-328). Приложение состоит из фотографий, сделанных В.Г. Кузнецовой в экспедиции середины прошлого века к оленным чукчам и хранящихся в архиве МАЭ, фотографии изобретателя чукотской письменности Тыневиля и его рисунков и графем.

Во введении, занимающем 53 страницы, автор обосновывает актуальность темы, показывает степень ее разработанности, вводит читателя в теоретические основы исследования, определяет его цели и задачи, объект и предмет, описывает его методологию и методику, определяет хронологические и территориальные рамки,

а также положения, выносимые на защиту. Здесь же дается характеристика использованных источников.

Выше уже была отмечена **солидная теоретическая, источниковедческая и литературная база** диссертационной работы. И все же хотелось бы обратить внимание Елены Андреевны на несколько дополнительных источников, несомненно, полезных для утверждения и проработки ее основных аргументов в отношении, например, взаимоотношений с государством, лидерства, пластичного характера власти, власти и ритуала и ряда других вопросов. Это книга путешественника и полярного исследователя Георгия Алексеевича Ушакова «Остров метелей» о его трехлетней жизни с азиатскими эскимосами и приморскими чукчами на острове Врангеля в 1926-1928 годах. Официальный начальник колонии, Г.А. Ушаков сумел сосредоточить в своих руках неформальную власть, которая и обеспечила успех предприятия по советизации и заселению острова Врангеля⁴. Интересны и информативны статьи Б.М. Андропова о коллективизации Чукотки и С.С. Гагарина об обычае добровольной смерти у чукчей и отношении к нему официальных властей, написанные в 1950-х годах по личным воспоминаниям и архивным материалам⁵.

Диссертация отличается несомненной **научной новизной**, что проявляется в двух плоскостях: региональной/этнической и методологической. Автор диссертации применила современные теоретические разработки в сфере антропологии власти к конкретному региону и семейно-родственным коллективам чукчей. Помимо этого исследование представляет ценность с точки зрения истории науки, – возвращая в научный оборот имени этнографа В.Г. Кузнецовой, возможности поразмышлять над вопросами методики и этики полевой работы и ряда других.

Такой ракурс исследования позволил «знаковые» и хорошо известные, неоднократно описанные «символы» чукотской культуры, – «товарищество по жене» (групповой брак), гостеприимный гетеризм, обычай добровольной смерти, обычай превращения пола, употребление галлюциногенов и ряд других увидеть в новом свете и соответственно раскрыть новые грани чукотской культуры с точки зрения ее структуры и функции.

⁴ Ушаков Г.А. Остров метелей. По нехоженой земле. Издание второе. СПб., 2001.

⁵ Тропую Богораза. Научные и литературные материалы /сост. ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. М.: Институт наследия-ГЕОС, 2008.

Диссертация обладает **внутренним единством и завершенностью**, каждая из глав содержит выводы, базирующиеся на анализе источников и литературы.

В первой главе «Властные отношения в повседневной жизни оленных чукчей» автор показала, что социальное неравенство пронизывало все сферы социальной жизни чукчей: хозяйственно-экономическую деятельность, питание и его этикет, кочевой быт, пространственное поведение и символизм, проявлялось в конфликтах и насилии, в телесном опыте людей. Автор сделала важные выводы, коррелирующие с исследованиями из других регионов мира о том, что эгалитаризма в таких сообществах никогда не было; и, во-вторых, что властный ресурс у чукчей не был раз и навсегда закреплен за определенным субъектом, он постоянно переопределялся в зависимости от конкретной ситуации, контекста (с.105). Е.А. Давыдова подчеркивает, что приобрести власть, увеличить не только экономический, но и символический капитал можно было благодаря знаниям и умению вести хозяйственную деятельность (с.108-109).

На чукотском материале впервые проанализирована пространственная символика власти на примере распределения жилого пространства, отражающего реальную социальную иерархию; отношение к телу человека в зависимости от его социального статуса (на примерах взаимодействия людей в отношении ухода за меховой одеждой, доступности оленьего транспорта и др.); культура питания оленных чукчей в контексте властных отношений. Так, помимо введения в научный оборот ценных полевых этнографических материалов в отношении чукотских традиционных блюд, этикета питания и чаепития и модели их потребления с учетом властного ресурса, автор диссертации сформулировала важный вывод о том, что «еда была чутким “барометром” распределения власти в стойбищах оленных чукчей». Этот вывод, как и во всех других случаях, подкреплён большим количеством примеров из полевых дневников В.Г. Кузнецовой (с.110-131).

Во второй главе автор рассматривает, какую роль в приобретении власти играло родство, понимаемое ею как «взаимость бытия». Родственные отношения показаны Е.А. Давыдовой не только и не столько как изначально биологически заданные и неизменные, а как процессуальные, как выбор в определенном поле родства, которое из-за особенностей социальной структуры чукчей и обычая «товарищества по жене» было многовекторно. «Товарищество по жене» автор рассматривает как фиктивное родство и критикует теорию группового брака. Такая критика является хорошим поводом к дальнейшим размышлениям об особенностях

чукотской социальной организации и социальных отношений. Возможно, «товарищество по жене» помогало структурировать отдельные стойбища/семьи чукчей и предотвращать военные конфликты. Автор подчеркивает инструментальное и прагматическое использование родственных связей чукчами и вводит новый термин «родственный капитал» как часть социального капитала. Ее выводы подкреплены многочисленными примерами из архивных и литературных источников.

Хотелось бы еще обратить внимание диссертанта на родство по реинкарнации, которое, судя по анализу такого родства у эвенов, оказывало дополнительное и пока не изученное влияние на выстраивание родственных связей и приобретение властного ресурса.

В третьей главе «Ритуальное знание и власть» рассматривается такой способ воздействия на свою социальную позицию, как овладение ритуальным знанием. Известно, что у чукчей было широко развито семейное шаманство, то есть практически любой человек мог шаманить, хотя уровень умений и влиятельности, статус шаманов различался. Автор обращается к интереснейшей и хорошо описанной традиции чукотской культуры – превращению пола в чукотском шаманстве. Она рассматривает превращение пола, а также личное шаманство как миметический процесс, обращая внимание на творческое переосмысление опыта другого и телесность этого процесса, и, чем выше уровень мимезиса, тем выше символический капитал и возможность повышения властного статуса. В то же время, мне кажется, упускается из вида феномен шаманского дара, т.е. наследственность и предрасположенность к такого рода действиям. Иными словами, я хочу сказать, что не всегда приобретение ритуального знания имело миметический характер: во всяком случае, кого копировали большие шаманы?

В главе 4 «Властные отношения и государство» диссертант рассматривает взаимоотношения российского государства и локального сообщества. Из литературы хорошо известен факт, что ясачная политика потерпела полную неудачу на Северо-востоке Сибири, у чукчей. Новаторским подходом автора является то, что она рассматривает эти отношения для XIX - начала XX в. не как односторонний процесс доминирования государства, а с точки зрения взаимодействия локального сообщества и конкретных его представителей с государством с целью приобретения дополнительного властного ресурса. Таким образом, автор обнаруживает гибкость и пластичность таких отношений, активный «диалог с государством и, шире, диалог двух культур» с целью накопления чукчами экономического, культурного и

социального капиталов как условия для приобретения или укрепления власти. Е.А. Давыдова подчеркивает инструментальное и ситуативное использование государственных порядков чукчами, своего рода «процедуры потребления». Что касается ухода от государства, каким его описал Дж. Скотт в отношении тропических земледельцев, то он и не мог использоваться чукчами. Дело в том, что уходить было некуда: чукчи жили в тундре и лесотундре, и избавиться от проникавших к ним комиссаров и проводников советской политики действительно было невозможно⁶. Думается, что особенности пространственной организации чукотского сообщества в данных физико-географических условиях определили известную гибкость в отношениях с государством при контакте с его представителями, когда чукчи использовали государственные порядки в своих интересах и для приобретения властного ресурса. Одной из форм сопротивления на протяжении всей истории взаимоотношений с государством эвенков и эвенов была тактика ухода от государства, но доминировало сотрудничество и диалог⁷.

Несомненной удачей является рассмотрение диссертантом изобретения чукотской письменности Тыневилем не с эволюционистских позиций истории развития письменности, а в контексте отношений государства и населения Чукотки в 1920-е-1930-е годы. Однако, мне не хватило доказательств того, что это изобретение было актом «политического сопротивления», тогда как желание самореализации и приобретения власти через творческое подражание (мимезис) не вызывает сомнений (с.254-255). В Приложении впервые увидели свет хранящиеся в архиве отдела Сибири такие раритеты, как образцы письма Тыневила с его замечательными рисунками.

Высказанные на страницах отзыва частные замечания ничуть не умаляют проделанной диссертантом огромной работы по исследованию властных отношений в чукотских семейно-родственных коллективах в XIX – начале XX веков и основных, сделанных ею выводов.

Диссертационная работа прошла апробацию в ряде докладов, представленных ее автором на научных конференциях и международных семинарах в том числе. Основные результаты диссертации опубликованы в четырнадцати научных статьях и

⁶ Андронов Б.М. Коллективизация по-чукотски. 1951-1952 годы // Тропую Богораза. С.102-126; Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 // там же. С.284-342.

⁷ Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире. М.: Вост. лит., 2012.

тезисах, в том числе в рецензируемых научных изданиях, три статьи опубликованы в научных журналах из списка ВАК.

Диссертационная работа Елены Андреевны Давыдовой «Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX–первой половины XX в.)» представляет собой **самостоятельное и оригинальное научное исследование**, свидетельствующее о **личном вкладе** его автора в этнологию и историю науки. Елена Андреевна Давыдова **решила важную научную задачу**: ее диссертационная работа «закрывает» проблемные лакуны в современных исследованиях власти у чукчей и, шире, у народов Сибири. Теоретическое обоснование, выводы и результаты диссертационного исследования могут стать отправным пунктом для формулирования и дальнейшего развития нового направления в отечественном сибиреведении – антропологии власти. Сфера **практического применения** результатов работы обширна: от преподавания в вузах до возвращения знания в локальные общины.

Диссертационная работа Елены Андреевны Давыдовой «Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX – первой половины XX в.)» соответствует критериям, устанавливаемым Положением по присуждению ученых степеней (утверждено Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации 24 сентября 2013 г.) и предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология. Автореферат соответствует тексту диссертации и отражает ее основные положения.

Не вызывает сомнения, что Елена Андреевна Давыдова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

ФГБУН Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

А.А. Сирин А.А. Сирин

